

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ К ГЛЯДЕНУ

Глава 1. Пасека Щелкана	7
Глава 2. Карьев павыль	20
Глава 3. Тайся и Весняна.....	35
Глава 4. Зловещий зрачок Иткаськи	52
Глава 5. Кочебахта	64
Глава 6. Ёлкина грива	87
Глава 7. Мань-кол.....	104
Глава 8. Змей и ящеры	121
Глава 9. Дорогу соли!.....	131
Глава 10. В острожке	145
Глава 11. Рыба-земля	168
Глава 12. Душа Чочвокара.....	183
Глава 13. Кто сделал Каму.....	193
Глава 14. Мышиный царь и заячьи глаза.....	202

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НА ГЛЯДЕНЕ

Глава 15. Улыбка Урталея.....	223
Глава 16. Великие вармали Глядена	247
Глава 17. Как разгоняют мрак	273
Глава 18. Легче мёда, тяжелее воздуха.....	290
Глава 19. Дым коромыслом	309
Глава 20. Вознесенье с камня.....	319
Глава 21. Руда	335
Глава 22. Плавнина и огарина.....	355
Глава 23. Ночь расплаты	376

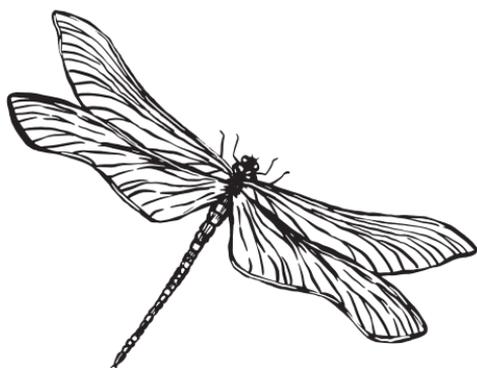
Глава 24. Что вмещает сердце.....	399
Глава 25. Ивашкина гора	417

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С ГЛЯДЕНА

Глава 26. Поминай маму!	429
Глава 27. Гультай	443
Глава 28. Ченэ-венэ	463
Глава 29. Лешелесье	486
Глава 30. Лихолюдьё	511
Глава 31. Кукушкина хворь	533
Глава 32. Пламя Имвожьяна	552
Глава 33. Распутье	567
Глава 34. Через Ирень.....	586
Глава 35. Никола Троеручник	605
Глава 36. Мёртвые за живых	624
Глава 37. Вся земля	640

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
К ГЛЯДЕНУ

ГЛАВА 1. ПАСЕКА ЩЕЛКАНА

Гаснущий день оплывал мёдом. Блестела река, звенел пережат. Густел дух травостоя. Застыла в розе цапля.

— Есть ли имя у этой реки? — спросил Боляк.

Старый Щелкан оторвал ладонь от кустистых бровей, задумался и шамкнул:

— Ня знай.

— Должно быть имя у реки, аляб-бабай*, — уверял Боляк, стоя в воде на одной ноге. — Иначе это не твоя река. И не твоя земля.

— Ня знай, тем более! На мой век хватит. Скоро и эта земля будет не моей, и вся земля — не нашей.

— Почему, аляб? — нахмурил брови правнук.

— А кто её защитит?

Боляк огляделся. Линялый лисий хвост подрагивал на верхушке старого рассохшегося болвана, чьи грубо вырубленные топором губы давно не знали жертвенной крови.

— Я защищу!

— Вот ты и давай имя, — отвернулся старик.

Мальчик задумался.

Говорят, в здешних местах раньше жил змей, упавший с луны. Его слёзы — хрупкий, ломкий камень медового цвета, порой вымывает вода из обрывистого берега. Удивительно: змей давно умер, но до сих пор плачет...

Думая, Боляк успел выбраться из узкой речушки на взгорок к старику и, усевшись рядом, начал снимать мокрые чуни.

* Аляб-бабай — общее название родственников-стариков — дед, прадед, старый дядька (*здесь и далее — комментарии автора*).

— Пусть будет Мэ-ва. Медовая река!

— А пускай, — согласился аляб уже вслед скачущему меж ульев правнуку.

— Ай, крепкий огын* растёт. А какой рассудительный! — хмыкнул Щелкан и снова поднёс к бровям ладонь.

За рекой, по недавно выкошенному от медоносного клевера косогору, спускался кто-то конный.

— Боляк, погляди, — позвал Щелкан, — кто там едет?

— Ня знай! — передразнил мальчишка и отвернулся, выпятив губу.

Щелкан потянулся было к посоху-ятапасю**, чтобы огреть им строптивца, но правнука и след простыл.

— И норов есть, — не без удовольствия рассудил старик вслух, по давней привычке отшельника-пасечника. — Видать, правду говорят, что его отец Русай рождён от русского.

Русских воинов было много оставлено в здешних местах Ермаком, чтобы прикрывать с тыла поход за Камень. Тогда Ермак переплыл на стругах горы, а обратно уже не вернулся. И русский дозор остался в поречье навсегда.

Правда, Русай норовом вышел покладистый и доверчивый, чистый остяк. А буйная русская кровь вскипела уже на Боляке, — спорил сам с собой старик.

И уверял себя, что так бывает. Не во всяком поколении и не у каждого вспревают жилы особой, поперёк рода, статью.

* О г ы н — богатырь.

** П о с о х - я т а п а с ь — я т а п а с ь это и есть посох, но на языке пореченских остяков.

Старик зажмурился. Притаившийся за старой, обомшелой колодой Боляк хихикал, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться в голос. Он до слова знал, что скажет Щелкан дальше.

Про то, как смолоду аляб и сам был сноровистым и ухватистым и как в борьбе клал на лопатки любого соперника. А уж про то, как он сходился в схватке с медведем-ошем*, знало, кажется, всё поречье.

В расскази Щелкана верилось с трудом, но побитая шкура медведя до сих пор грела старческие кости. А уж на пасеке всякое дело у старика спорилось и сейчас.

И если прадед уверяет, что сквозь мутнеющую пелену прошлого он видит в Боляке юного себя, — почему бы не сделать вид, что веришь в эту сказку? Вдруг так и вправду отраднее доживать век?

А всадник уже одолел крутую половину косогора и, бросив поводья, спустился по выположке** к реке. Теперь даже подслеповатый старик разглядел, что это был Русай — отец Боляка и внук Щелкана.

— Эй, Боляк, отец едет! Беги встречай! — позвал Щелкан.

И песчаный вихрь тотчас залепил его старческие бельма. Это, буровя пятками рыхлый песок, к реке промчался правнук.

* Медведь-ош — *ош* — медведь по коми-пермяцки. В верованиях пореченских народов медведь имеет двойственную сущность: он как бы и животное, и человек.

** Вып о л о ж к а — место, где крутой косогор переходит в более пологий, но всё ещё заметный спуск, на котором не разгонишься. Для людей, много времени проводящих конными, такие детали существенны.

Старик, опираясь на суковатый ятапась, заковылял к щому* — крытой берестой щелястой юрте. Гостя требовалось угостить, подать на стол лучшее: разваристую, забелённую мукой полбу, провёслую** лосятину, вяленые рыбы спинки, медовые соты, ягодный взвар.

А уже после — приступать к известиям.

Внук Русай был Щелкану вместо сына. А сын, давным-давно не выдержав гибели жены и слухов о том, что Русай ему не родной, спихнул малолетнего ребёнка на Щелкана и его старуху.

И ушёл за Камень — куда-то на Васюган или Конду, в те места, что, в отличие от поречья Ире-ни и Сылвы, ещё озарялись божественным светом золотого изваяния праматери всех людей Санкэ-Саринат.

* * *

Боляк проснулся ночью от шума дождя по кровле таскака — хозяйственного навеса, косо прилепленного к щому. Он любил спать здесь, на прохладе, бросив в расколотую пчелиную колоду охашку сена.

Ему с трудом удалось заснуть — настолько взволновали прибывшие с отцом известия. Боляк часто просыпался, проверяя, не настало ли утро: ведь ему не терпелось скорее до него дожить.

А утра всё не было. Была ночь; она ворочала Урталей-нях-молын — Млечным путём — как де-

* Що м — легкое сооружение с каркасом из шестов, крытое берестой или шкурами.

** Провёслый — вяленый. Пермское, охотничье словечко. Провёслая лосятина оленина — привычное блюдо тех мест и того времени.

ревянной ложкой в корчаге с густевшим мёдом. А мир всё оплывал и оплывал тьмью.

Сон больше не шёл. И Боляк стал представлять завтра. Ведь утром он отправится с отцом в первое в жизни путешествие — на далёкий, таинственный, волшебный Гляден. Каково это? Как будет?

Его отец, Русай, ездил на Гляден ежегодно. Всякий раз это случалось после того, как клеверные луга их угодий отцветали. Остяки отдавали их лесорусинам под покос, а сами приступали к выжимке мёда.

К этому времени и дед Щелкан поспевал с выделкой ясачных шкурок. И Русай, снарядив лодку с корчагами мёда, с куньими и бобровыми сороками, семериками соболей и горностаев, отправлялся в путь.

Ему нужно было сдать ясак главе их родового павыля* — паму Карье — и отправиться дальше, чтобы в конце пути поклониться на Глядене богам: поблагодарить их за богатый урожай мёда и испросить сентябрьского, обильного прибитка с лесных бортей**.

А ещё — умолить богов послать щедрого бобрового гона.

Никак было не пережить без помощи богов русаевой дружной семье ни зимы, ни весны: во всём нужно сообразоваться с волей богов, задать множество вопросов и получить от великих вармалей*** мудрые ответы.

* П а в ы л ь — поселение пореченских остяков, деревня.

** Б о р т ь — рукотворное дупло в стволе дерева, используемое дикими пчёлами как улей.

*** В а р м а л ь — великий шаман.

С Глядена Русай возвращался спустя три, а то и четыре седмицы — похудевший, осунувшийся, со льдыстыми глазами, какой-то тихий, будто готовый к укорам. Заваливался на старые нарты и отлёживался два-три дня.

Но перед этим всегда подзывал детей, ласкал их и одаривал каким-нибудь гостинцем: костяным ли гребнем или переливчатыми бляшками-подвесками.

Боляка — как старшего — одаривал последним, и так выходило, что всегда самым худым подарком. Но и на коленях отец его держал дольше других, как-то особо — сердобольно и крепко — прижимая к груди.

И вот за эти мгновения Боляк готов был променять любое сокровище.

А теперь настало и его время ехать на Гляден. Стало быть, входил он уже в мужскую, сильную пору.

Уже две осени, как Боляк помогал отцу собирать бортовой мёд. Охватив дерево и поясницу сыромятным ремнём, с глиняным дымокурором на подвесе, взбирался Боляк под верхушки вековых сосен.

Смело окуривал борти и лез, будто заправский ош-древозаз, в самые глубины выдолбленной в стволе полсти. Там таился вязкой глиной янтарный, драгоценный, самый вкусный и полезный бортовой мёд.

Случалось ему, взбираясь к бортям, видеть на коре дерева глубокие следы от когтей медведя. Больше всего их попадалось на болтающейся возле бортьевого устья плахе. Её и подвешивали нарочно для того, чтобы колотить сластёну-оша по

башке, когда он полезет, отталкивая её, внутрь за лакомством.

«Уй, какие мощные когти у тебя, медведь! — думал мальчишка. — Если ты пойдёшь за мёдом, нам несдобровать».

— Эй, Русай-этэ*, — кричал он развалившемуся с былинкой в зубах отцу. — Гляди там, не идёт ли ош?

— Не идёт вроде, — посмеивался Русай.

А Боляк, поборов страх, уже взбирался выше.

Случалось ему, пробираясь сквозь завалы трухлявых деревьев, вынимать из капкана бобра или, отматывая на лыжах по лесу от восхода до заката, расставлять сторожки-серканы** на соболя. И заглядывать в свирепые глаза куницы, что погибала в ловушке, вконец обессилевшая, но не утратившая ярости. Знал он и как добыть ласку, и как поставить петлю на хоря — юркого и бессовестного зверя, дерущего домашнюю птицу.

Много всякой работы делал Боляк, много чего умел, но пока не занимался наравне со взрослыми самыми важными делами, был он всё равно мальчик.

А что может быть важнее поездки на Гяден! Ведь отец, бывало, пропадал с половины и до половины луны. А это целая пропасть времени!

И раз Гяден так далёк, значит, это что-то достойное лишь людей готовых. А если Русай-этэ решил взять его с собой, стало быть, и Боляк теперь из таковых.

* Русай-этэ, этэ — это отец. Усиленное обращение к отцу для привлечения его внимания.

** Серкан — примитивный капкан из подручных материалов.

Дождь шумел по крыше таскака, часто-часто, будто это падали не капли, а лилось овсяное зерно в лошадиную торбу. Под этот шум хорошо было представлять будущее.

Значит, завтра с отцом они сядут в лодки и поплывут по медовой реке. А она, сделав несколько петель-заворотов, вольётся в реку Ирень.

«Ирень, ай, большая! — думал Боляк. — Вода в ней кислая и стремительная. Она лодку понесёт быстро: сначала в Карьев павыль — деревню, где большую часть времени и жил Боляк с семьёй; затем до Усть-Турки, где живут темноглазые, весёлые люди — татары; а потом и до деревни лёсо-русинов — Веслянки».

В Турке и Веслянке Боляк не бывал и считал их очень дальними землями. Дальше них — только Кунгур и Гляден. А Гляден — это уже край мира!

При мысли о Веслянке у Боляка забилося сердце. Ему вспомнилась русская девочка Весняна, что приезжала каждое лето на клеверный покос в угодьё боляковой семьи.

В сене остяки не нуждались — из скотины они держали лишь лошадь, а угодьё использовали для пчелиного медосбора. И когда луга отцветали, русины приезжали косить, а за это всю зиму присылали в хотэ* Русая молоко и масло.

Весняна давно приезжала на сенокос, но вечно крутившийся неподалёку Боляк не обращал на неё внимания — девчонка и девчонка!

А этим летом они как-то быстро и просто сблизились. По утрам бегали на реку, а вечерами игра-

* Хотэ — изба с подворьем. Аналог — баз у казаков.

ли в прятки на пасеке да устраивали мелкие каверзы Щелкану.

И когда сенокос закончился, и русины, сметав стога, уехали, Боляк впервые в жизни заскучал. Он долгое время только и делал, что ждал, когда выйдет срок и лёсо приплывут за сеном.

И досаждал Щелкану, и выпытывал у него, когда это будет и как. А потом начинал переживать, что приедут одни мужики — без баб, без Весняны.

И огорчался, и злился, но уверял себя, что огорчается лишь от напрасно потраченного на ожидание времени.

Но сейчас до Боляка дошло, что их путь лежит не просто на Гляден, а ведёт мимо Веслянки. И сердце мальчишки заколотилось сильнее дождевых капель по покрытой корой кровле таскака.

— Эй, сердце, не стучи так, — сказал Боляк.

Он поворочался в колоде, и стук сердца стал стихать. Стихал и дождь. Из плотного, шелестящего шума стали выслушиваться звуки струй, затем они поредели и разбились на капли.

А потом и капли пошли врасплёпку. И Боляк услышал голоса.

Они были тихими и глухими, и мальчику пришлось вслушаться. Один голос принадлежал отцу, а другой был незнакомый.

Разговор шёл не на остяцком наречии, а на пересыпи остяцких, вотяцких, пермяцких, вогульских, русских, татарских слов — обычной в поречье смеси. Русай говорил что-то неразличимое.

Незнакомый густой голос человека, привыкшего распоряжаться, был твёрд:

— Что поречье — ваша земля — мы признаём, остяки всегда тут жили. Но это и наша земля тоже.

Потому я не ряжусь, Русай, а торгуюсь. Продай землю?

— Продай нету, — узнал Боляк голос отца. — Продай царь запретил.

— Царь далеко, — возразил собеседник. — А мы близко.

— Ня знай... Зачем степнякам моя земля, тем более?

— Велик наш род, тучнеют его стада. Степь не успевает давать им корм. Веками гнали мы скот по здешним прохладным рекам — по Куеде, по Тулве, по Ирени... — рассудил тот же голос.

— В моих угодьях вы никогда не пасли, — отозвался Русай. — Моя земля что? Некоторые леса, да овраги, да речонки мелкие, почти ручьи. У меня и пастбищной земли — только эти луга. И то не для скота, а для трав-медоносов. ...Пчеловод я, Чубар, — обратился Русай к собеседнику по имени. — Здесь у меня колоды, в лесу борти... По ручьям зверь живёт... Бобра бью, шкуру выделываю, железу на снадобья пускаю... Зимой куницу добываю, белку — их сороками. Соболя, горностаю — семериками. Иногда добываю рысь. Волка — только если докучает... Вот, возьми волчью шкуру, дарю! Вы, батыры, любите их носить, дак.

Что-то вострепелось, и послышался вздох. Чубару явно понравилось подношение.

— Ну, кунак Русай, рехмет! Ай, спасибо! Ох и удружил! Таких волков в степи нет!

— Такого волка, Чубар, не в степи, а в лесу добывают. Уй, по глубокому снегу! Верхом на коне такого не добыть.

— Это верно! — согласился незнакомец.

— Вот и говорю. Я пчеловод и зверолов, тем более... Ты делишь год на четыре времени, а я на три. Вы пору отмечаете по луне, я тоже так умею. Но ещё мы пору отмечаем по зверю — когда какого добывать. И ты уже так не умеешь. Ваших пор семь и ещё пять, моих пор семь и ещё две...

Чубар рассмеялся:

— Зачем ты мне это говоришь, кунак* Русай?

— А зачем скотоводу моя земля? Она живёт, как я и по моей поре. Здесь нет пастбищ...

— Здесь нет, — согласился Чубар. — Зато кругом — много! По Кунгуру, по Ирени, по Сылве сплошь ковыльные просторы, а воды сколько?!

— Воды много, — поддакнул Русай.

— Вот мы и хотим с Тулвы на Ирень свои межи передвинуть. Сначала по твоей земле закрепить, а потом дальше, в Карьев павыль и до самой Кунгур-реки. А оттуда, дай волю, мы и до Камы дойдём! — воскликнул неведомый Чубар.

— Гляден всегда остяцким оставался, — посопев, возразил Русай.

— На Глядене не бывал, — отрезал Чубар, — да и до Камы далеко. А вот до Кунгура близко. Мы сейчас о поречье говорим.

Русай вздохнул, будто разговор ему не нравился:

— Ту землю некоторые лёсо пашут. Кто для себя, кто для монастыря.

— Вот именно! — зло сказал Чубар. — Московский царь за монахами эту землю записал вопреки всем уговорам. А какую землю монастыри затем и сами выкупили, хотя и продажу царь тоже запретил.

* Кунак — друг.

— Тохтарь, Истекай, Узей, Ягитай, твои сородичи, свои земли по Сылве и Суксун-реке монастырю якобы отписали в дар. А на самом деле — продали. Почему русским землю продаёте, а нам нет?

— Кто продал, с того и спрос, — уклонился от ответа Русай. — А московский царь силён. Русские сильны. Их бог силён. Уй, какие они ему жилища городят! А мы — слабый народ. Кто нас защитит?

Раздался нехороший, неприятный смех. Боляк лежал, открыв глаза, весь обратившись в слух. Он ничего не понимал, но всё ему было любопытно.

— Думаешь, русские вас защитят? — хмыкнул Чубар. — Да они вас даже не различают. Я вот знаю, что ты остяк, что Щелкан остяк, что Карьяпам остяк. На Турке живут казанцы, а напротив Ермаковых скал, что на Сылве, — выселок вотяцкой семьи Камайки. Я — башкир! А для русских вы кто? Для русских вы все и я тоже — татары. Вот они как нас различают! Для русского царя мы татары, а для русского бога вы никто.

— Мы царю ясак даём, он нас знает, — возразил Русай.

— А если землю нам отдашь, никому ничего давать не будешь! — рыкнул Чубар. — Сюда наш бог придёт, он решать будет, от кого что брать. А ты, Русай, оставайся и живи как жил. Только землю за нами закрепи. Мы приведём сюда своего бога, и он тебя собой покроет. Он всех принимает. А русскому богу до вас дела нет...

— Это хорошо, что русскому богу до нас дела нет, — возразил Русай. — Зато он наших богов не трогает.

— Ваших богов не трогает, зато сам сюда идёт! — горячился неведомый Чубар.